

КОНЦЕПЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТОРЫ В РАННЕМ ХАСИДИЗМЕ

ВАНТИХАСИДСКИХ полемических произведениях второй половины XVIII в. многократно повторяется обвинение последователей этого религиозного движения в злонамеренном пренебрежении заповедью изучения Торы. Эта заповедь, согласно наставлениям Мудрецов Талмуда, равна по своей важности всем остальным вместе взятым. Поэтому любые покушения на нее, с точки зрения сторонников традиционного раввинизма, были достаточным основанием для отлучения виновных от общины правоверных. Основоположник научного хасидоведения Ш. Дубнов считал, что предъявляемое хасидам их противниками обвинение соответствовало действительности, но при этом трактовал его как попытку прогрессивной религиозной реформы. Согласно его мнению, лидер нового религиозного движения р. Исраэль Баал Шем Тов (Бешт) призывал своих последователей искать единения с создателем посредством искренней веры, основанной в первую очередь на чувствах, а не на разуме. «Бешт не отрицает совершенно пользы учения, но утверждает, что оно полезно лишь как средство к возбуждению религиозного чувства, а не само по себе»¹. При этом оно только одно из многих полезных для этого средств. Хасидская проповедь стремилась духовно возвысить общину верующих, освободить ее от пут холодной талмудической схоластики².

Вышеописанные воззрения на интересующий нас вопрос господствовали в трудах исследователей первой половины XX века. В популярных обзорных произведениях, посвященных еврейской истории, их можно встретить и сегодня³. Впервые существенной критике их подверг Г. Шолем. В статье, посвященной проблемам реконструкции биографии Бешта, он отметил, что, хотя основоположник хасидизма, по всей видимости, не принадлежал к числу глубоких знатоков Талмуда, он, тем не менее, прочел немало текстов еврейских мистиков средних веков. Поэтому прене-

брежение Бешта и его последователей к традиционному формату изучения Торы объясняется, вероятно, не столько стремлением умалить роль знания в богослужении, сколько в повышенном внимании к источникам сакрального знания, которые ранее не использовались в общедоступном традиционном еврейском образовании.

Согласно мнению Й. Вайса, И. Эткеса и М. Иделя, суть вопроса заключается в пересмотре хасидами назначения учебы. Сторонники традиционного раввинизма на все лады превозносили дело приумножения сакральных знаний. Бешт и его последователи считали, что сущность заповеди изучать Тору заключается в мистическом единении верующего с Создателем посредством особой техники произнесения букв, из которых состоят слова Святого Писания. Таким образом, в основе предложенного хасидами нововведения лежали соображения мистического, а не нравственно-этического характера⁴. В то же время Вайс полагает, что некоторые из лидеров хасидов второй половины XVIII в. отвергали данную концепцию Бешта и его ближайших учеников. Они считали, что изучение Торы само по себе не является средством для обретения мистического единения с Создателем⁵. Его статья является на сегодняшний день первым и единственным научным трудом, в котором отмечается разногласие среди хасидских лидеров раннего периода по интересующему нас вопросу. Однако многочисленные высказывания, приведенные в хасидских текстах, свидетельствуют о том, что отношение их авторов к заповеди изучения Торы было куда более сложным и противоречивым, чем это представлялось Вайсу. Это обстоятельство, а также убедительное обоснование М. Иделем теснейшей связи хасидской концепции изучения Торы с первоосновами их мистического вероучения в целом определяют актуальность дальнейших исследований данной проблемы.

Медитация посредством произнесения букв Священного Писания

Согласно изречению основоположника хасидизма р. Исраэля Баал Шем Това, приведенному в собрании проповедей его ученика р. Якова Йосефа из Полонного, человеку, изучающему Тору, надлежит изо всех сил прилепиться к предвечному свету, пребывающему в буквах Священного Писания⁶. Этот свет дарует *двекут* (единение с Создателем). Схожие суждения содержатся в поучениях его внука р. Эфраима Судилковского, а также сподвижника Бешта р. Дов Бера из Межирича. На основании всего вышесказанного Вайс пришел к выводу, что, согласно воззрениям р. Исраэля, первой и единственной целью изучения Торы является мистическое единение с Творцом. Расходование всех сил правоверного на прилепление к свету, содержащемуся в отдельных буквах, безусловно, препятствовало постижению прочитанного разумом. Но данное обстоятельство основоположника хасидизма не смущало. Он был первым еврейским мистиком, связавшим заповедь изучения Торы с практикой *двекута*⁷.

М. Идель, анализируя данную концепцию, сосредоточился на рассмотрении двух важных вопросов, которым ранее не уделялось надлежащего внимания: каким образом осуществлялось прилепление верующих к свету, заключенному в буквах Торы? Каков характер этой духовной практики?

В качестве ответа на первый вопрос Идель приводит ряд хасидских изречений. Наиболее показательным среди них является следующее: «Господь, да будет Он благословен, сосредоточил Себя в Торе; поэтому, когда человек говорит о Торе или молится, надлежит ему вкладывать в это все свои силы, ибо посредством этого обретается единение с ним (Господом), да будет Он благословен. Ибо все его силы пребывают в произнесенных буквах, а Он, да будет Он благословен, пребывает в произнесенных буквах»⁸. Согласно мнению Иделя, как видно из вышесказанного, *двекут* обретается посредством произнесения букв Священного Писания, а не посредством их созерцания, что возможно было бы предположить на основании текстов, упоминаемых Вайсом⁹.

Что же касается второго вопроса, то ответ на него позволяют прояснить следующие высказывания авторитетных последователей Бешта: «Они (буквы) суть чертоги откровения света *Эйн-Соф*, да будет благословен Он и да будет благословенно Его Имя, сокрытого в них. Когда учат Тору и молятся, то берут их (буквы) из их священных мест и свет их открывается тут внизу. Посредством прилепления человека к буквам Торы он низводит на себя откровение света *Эйн-Соф*»¹⁰, «Тора, Господь и Израиль суть одно. Поэтому, только когда они (народ Израиля) учат Тору во имя ее самой¹¹, пребывает в ней сила Господа»¹². На основании этих, а также ряда других подобным им изречений Идель приходит к выводу, что изучение Торы хасидами может быть охарактеризовано как мистико-магическая практика. Верующий посредством произнесения букв священного текста добивается нисхождения на него предвечного света, носителя божественной силы.

Это, в свою очередь, позволяет ему воздействовать на дела мира дольнего. Согласно одному из приведенных суждений, Божественный свет непрестанно пребывает в буквах, являющихся его чертогами, в то время как согласно другому нисхождение его туда целиком зависит от деяний человеческих. Последнее мнение, наделяющее произносимые при декламации сакрального текста звуки свойствами магического талисмана, согласно Иделю, господствует в большинстве хасидских произведений.

Данная гипотеза подтверждается многочисленными фактами, но, согласно нашему мнению, вопрос об уровне авторитетности среди хасидов вышеописанной концепции требует дальнейших исследований. В какой-то мере прояснить интересующую нас проблему помогут следующие изречения одного из ближайших учеников Магида из Межирича р. Леви Ицхака из Бердичева: «Объясню слово *береиши* еще и так: это означает два начала¹³. Господь Благословенный ниспосылает поток даров высших (шефа), а каждый из нас сжимает этот поток сообразно желанию своему. Тот сжимает его буквами жизни ради жизни, тот сжимает его буквами мудрости ради мудрости, тот буквами богатства ради богатства. И так даруются все блага сообразно желанию

каждого... И этот содержащий все поток благ от Творца Благословенного суть ступень Торы письменной, а все сжатия этого потока, сделанные нами, суть ступень Торы устной. Ибо устная Тора (создается) по воле Израиля, когда комментируют они Тору письменную. Отсюда смысл слова «берешит»: два начала, Тора письменная и Тора устная¹⁴. «Великое правило служения Израиля Творцу Благословенному заключается в обязанности верить в то, что две Торы, письменная и устная, даны Одним Пастырем. Письменная Тора передана была нам Моше, учителем нашим, верен дом его, от письма, высеченного на скрижалях черным огнем на белом огне. А устная Тора, переданная Моше, учителю нашему, соответствовала комментариям, которые в будущем, учившиеся много лет, сами придумают. Выходит, что первооснова Торы устной дана нам в соответствии с тем, как цадики, каждого из поколений, комментируют Тору. Так она (устная Тора) и утверждается. Это великая сила, которую передал нам Творец, благословен Он из любви и избрания им народа Израиля. И какова воля их, основанная на Торе, так и вершатся судьбы всего мира. Это и есть суть слов мудрецов наших: “Господь становится, а цадик отменяет”¹⁵»¹⁶.

Согласно мнению р. Леви Ицхака, верующий осуществляет свои желания посредством текстов, придуманных им самим или его более совершенным собратом, а не путем декламации речений Святого Писания. Магическая функция богослужения, столь важная в вероучении хасидов, относится исключительно к сфере комментариев, т.е. Торе устной. Письменная Тора является вместилищем всех возможных благ, дарованных Создателем миру дольнему. Но блага эти не тематизированы. Поэтому добыть их, обращаясь непосредственно к Библии, нельзя. Развивая эту мысль, бердичевский реббе приходит к парадоксальному выводу, в соответствии с которым, согласно воле Всеблагого, комментарии толкователей в некоторых случаях должны радикальным образом противоречить тому, что сказано в Писании. Именно противоречия речениям Книги Книг, а не воспроизводя их, праведник обретает силу, необходимую для приумножения в мире милосердия и устранения из него суда. Такой

результат человеческий деяний неустанно восхвалялся лидерами хасидов и авторитетными средневековыми каббалистами. Следовательно, цель изучения Торы заключается главным образом в обсуждении и комментировании. Техника декламации составляющих ее букв никоим образом не может играть первостепенной роли.

Отмеченное нами разногласие с формальной точки зрения представляется серьезным. Ведь оно затрагивает практический вопрос учения, касающийся каждого верующего. Должно ли ему, забыв о содержании священного текста, бросить все свои силы на побуквенную декламацию, или же, напротив, целиком положиться на мистическую силу прошений и пояснений, родившихся в результате обдумывания прочитанного? Но в проповедях Магида из Межирича и его непосредственных учеников полемика на данную тему отсутствует. Судя по всему, и тот, и другой подход считался допустимым, а вопрос о том, который из них надлежит считать более авторитетным и важным, не представлялся столь острым.

Данное обстоятельство создает небольшие затруднения для исследователей. Дело в том, что в рассуждениях, приводимых в еврейских религиозных произведениях, зачастую не уточняется, идет речь о письменной Торе или об устной, о Библии, о корпусе раввинской письменности или о какой-то его определенной части. В отступлениях общего характера, призывающих верующих отдать все свои силы делу учения Торы, догадаться исходя из контекста, о чем именно идет речь, бывает непросто. Хасиды в данном отношении не являются исключением. Поэтому провести количественную оценку частоты упоминаний каждой из описанных выше концепций изучения Торы, чтобы определить, таким образом, которая из них была более распространенной, представляется делом чрезвычайно сложным, если вообще возможным. Даже в упомянутой выше цитате, используемой Иделем для иллюстрации техники медитации посредством произнесения букв Священного Писания, существует определенная двусмысленность. В начале ее речь идет о пребывании Создателя в буквах Торы. Тут бесспорно может подразумеваться только письменная Тора.

Но далее в изречении сказано: «Поэтому, когда человек говорит о Торе или молится, надлежит ему вкладывать в это все свои силы...» Выражение «говорит о Торе» более уместно для описания комментария или пересказа своими словами, нежели для декламации библейского текста. При таком прочтении суждения Великого Магида и его ученика р. Леви Ицхака в данном случае оказываются схожими. Тора письменная, являясь средоточием божества, содержит в себе всю возможную благодать, но передать ее людям возможно лишь посредством Торы устной, возникающей в момент, когда человек говорит о прочитанном. Следует отметить, что данную трактовку изречения р. Дов Бера из Межирича мы приводим не с целью оспорить мнение М. Иделя, а исключительно для иллюстрации сложности однозначного определения, какая именно мистическая техника упоминается в той или иной цитате.

Таким образом, хотя в хасидских текстах раннего периода упоминается практика произнесения букв Священного Писания во имя единения с предвечным Божественным светом, рассматривать ее в качестве доминирующей, играющей основную роль в новой концепции изучения Торы, предложенной Бештом и его последователями, не следует.

Достаточно часто в рассуждениях лидеров интересующего нас мистического движения о сущности заповеди учить Тору данная практика не упоминается вовсе. Но даже в тех случаях, когда та или иная проповедь содержит характерный призыв во время учения направить все свои силы на произнесение букв, речь далеко не всегда идет о буквах слов Священного Писания.

Традиционный подход к изучению Торы в раннем хасидизме

Рассмотренные нами ранее суждения хасидов о заповеди изучать Тору основывались на той или иной духовной практике, цель которой заключается в обретении мистического единения с Создателем и/или магического воздействия на мир дольний. В связи с этим возникает естественный вопрос: не привела ли пропаганда такого рода идей к отказу элиты этого мистического движения от традиционного пути изучения сакральных текстов?¹⁷ Впервые, как уже отмечалось, данную

тему исследовал Вайс. Согласно его мнению, Бешт и его ближайший ученик р. Дов Бер из Межирича полагали, что учение Торы предписано правоверным главным образом ради обретения состояния *двекута*. Некоторые из их сподвижников отвергали столь радикальный подход. В числе таких оппонентов Вайс в первую очередь называет Менахема Мендела из Перемышля. Этот рабби постоянно подчеркивал исключительную важность мистического единения с Создателем, но никогда при этом не говорил о возможности его достижения посредством учебы. Более того, он настаивал, что во имя достижения *двекута* необходимо уменьшить время, традиционно отводимое ежедневно на чтение текста Святого Писания и произведений авторитетных раввинов¹⁸. Сторонником данного подхода Вайс называет также весьма авторитетного в хасидских кругах р. Пинхаса из Кореца¹⁹.

Сколь ни убедительной кажется статья Вайса, существуют веские аргументы, позволяющие усомниться в правомерности ее выводов. Рассмотрим следующее поучение Бешта, приведенное в собрании поучений р. Эфраима Судилковского²⁰: «Сказал отец отца, дед мой, покой его в райских кущах, да будет благославенна его память во имя жизни в мире будущем²¹, поясняя изречение мудрецов (Мидраш Эйха, петихта 2). Существует два типа людей. Одни, узнав, что Святой, да будет Он благословен, бесконечен, говорят: «Зачем мне исследовать Его? Уверую без всяких толкований и исследований». Но это не тот путь, который приводит в мир предвечный свет. Но есть тип другой, который не уверует без толкований и исследований, т.е. посредством изучения Торы, о чем говорил царь Давид: «Познай Господа, отца твоего, и служи Ему» (Хр. 1, 28:9). Сначала познай, а затем служи Ему. После того как учил Тору и исследовал ее, после того как узнал из Торы величие Творца, благословен Он и благословенно имя Его, и понял, что Он – Бесконечность (Эйн Соф), и лишь тогда перестань исследовать, толковать и созерцать Божественное из-за страха перед непостижимой высотой Бесконечности, да будет Он благословен. И вознесешься тогда, ибо постиг, что Он – Бесконечность. В этом суть речения мудрецов: «Пусть меня

(Господа) оставят, но Тору мою сохраняют». Пусть перестанут созерцать божество, но Тору сохраняют. Посредством изучения Торы вначале человек постигает чуть-чуть величие Творца, благословен Он, и только потом, из-за страха перед недостижимой высью, перестает исследовать далее. Но не должно уверовать сразу и безоговорочно. Об этом сказано в Писании: «Глупый верует всякому слову» (Пр. 14:15). Если кто возжелает познать Творца, и исследовать Его, и служить ему всем сердцем и душою жаждущей, если желает познать его мерою Авраама, которая суть мера распространения без границ, – это неверный путь, ибо от широты его можно уклониться и исследовать запрещенное, как сказано в Талмуде: «Непостижимое для тебя не толкуй» (Хагига 13а). Если же кто, напротив, вовсе не желает исследовать и толковать величие Творца, благословен Он, что свойственно для ступени Исаака, то и это нехорошо, ибо сказано: «Познай Господа, отца твоего», и только затем – «служи Ему». Первооснова и высшая цель есть ступень Иакова, каковая является путем средним. Как записано от имени отца отца, деда моего, покой его в райских кущах, да будет благословенна его память во имя жизни в мире будущем: «Должно исследовать Творца, благословен Он, и благодаря этому поймешь, что можно исследовать, а что нельзя».

В приведенном поучении речь никоим образом не идет о какой-то медитативной практике слияния с Творцом посредством изучения Торы. Рабби Исраэль Баал Шем Тов, как видно из сказанного выше, призывает своих последователей ни в коем случае не отказываться от традиционного пути изучения сакральных текстов во имя приумножения знания и обретения истинной веры. Он многократно повторяет термины *лахкор* (исследовать), *леаен* (анализировать) и *ледареш* (толковать, обнаруживать скрытые смыслы), подчеркивающие необходимость интеллектуального постижения Святого Писания и авторитетных произведений раввинов. Рекомендуемые учащимся ограничения касаются лишь изотерических текстов, повествующих о тайнах бытия божества. В целом позиция автора данного суждения близка той, которую высказывает р. Менахем Мендел из Перемышля. В соответствии с ней тради-

ционное интеллектуальное изучение Торы играет вспомогательно-подготовительную роль. Само по себе оно не обеспечивает обретения состояния *двекута*, но является необходимой ступенью на пути к нему.

В собрании поучений основоположника хасидизма *Кетер Шем Тов* (Венец доброго имени) приводится высказывание, в соответствии с которым каждое новое толкование сакрального текста (*хидуш*) позволяет человеку, придумавшему его, постичь тайну возникновения открытого миру образа божества. Подобно тому как из непостижимой бесконечности (*Эйн-Соф*) рождается древо имен-атрибутов (*сфирот*), конституирующее *плерому*, из недр сознания, изоморфного божеству и связанного с ним, является аналогичная иерархия сущностей, порождающих новое суждение²². Таким образом, ценность традиционного изучения Торы не ограничивается накоплением информации о предметах, столь необходимых для обретения истинного благочестия. Само размышление об истоках правильных суждений о сакральном, пробуждаемое процессом учения, дарует верующему бесценное знание. Данное высказывание показывает, сколь важным для Бешта был интеллектуальный аспект изучения Торы. Как бы высоко р. Исраэль не превозносил специальные медитативные техники, ценность традиционного подхода он никоим образом не оспаривал и приводил для обоснования его важности аргументы мистико-философского характера, которые не были широко известны в раввинских кругах. Сходных воззрений придерживались р. Дов Бер из Межирича и его ученик р. Леви Ицхак из Бердичева. Рассмотрим в качестве примера фрагмент одной из проповедей бердичевского реббе: «Сказано в Писании: «Приобретение доброе даровал Я вам – Тору Мою не оставляйте» (Пр. 4:2)». Тут содержится некоторое противоречие. Известно различие между приобретением и подарком, ибо приобретение осуществляется посредством имущества или чего-нибудь иного, а дар достается безвозмездно. Суть здесь заключается в следующем: в момент дарования Торы они (евреи) сбросили свой материальный покров (*гитпаштут га-гешмит*) и освободились от реального (*битуль га-мециут*). Благодаря этому они обрели то

знание Торы, которое пребывало в глубинах их душ, ибо она (Тора) основа их жизни. Это следует называть приобретением, ибо они постигли Тору при помощи другой вещи, а именно посредством тела, которое освободилось от своей телесности, от всех сил его и материальности его. Вследствие этого душа постигла Тору сама собой. Это подобно тому, что я слышал от господина и учителя моего р. Дов Бера Магида, память о праведнике для жизни вечной, душа его пребывает в райских кущах, о сказанном у Исаяи: «Уповающие на Господа поменяют силу» (Ис. 40:31). Они поменяют силу свою подобно человеку, меняющему одну вещь на другую. Уповающие на Господа меняют свою силу, служа Творцу, благословен Он, посредством освобождения от реального. Благодаря этому ниспосылается им от Творца, благословен Он, постижение Божественного в Торе и в заповедях, и это есть ступень приобретения. А ступень дарования обретается безвозмездно. Она есть ступень дарования Торы всем поколениям, дабы исполняли ее благодаря тем знаниям, которые были получены во время стояния у горы Синай, даже во время, когда они не могут сбросить свой материальный покров. Об этом сказано (в Талмуде), «Моше учил и забывал до тех пор, пока не была он (Тора) дана ему в подарок» (Недорим 38). Ибо то, что он постиг как приобретение, посредством устранения материального покрова и самоотрешенности, было всегда при нем, ибо он всегда был свободен от реального и материального покрова. Но желал он, чтобы Израиль обладал Торой во всех поколениях, даже когда он не свободен от материального покрова. Для этого необходимо было дать Тору в подарок»²³.

Из сказанного выше следует, что у Синай евреи обрели два пути познания Торы. Один – посредством достижения состояния экстаза, во время которого человек совершенно перестает ощущать окружающий мир и собственное тело. Благодаря этому душа правоверного созерцает Тору в том первозданном Божественном состоянии, в котором она пребывала до дарования ее в виде текста. Второй путь – изучение книг Священного Писания и всех сопутствующих им раввинских комментариев. Оба они провозглашаются необходимыми и

взаимно незаменимыми в мире дольном. Мистическое единение с Творцом, достигнутое всем народом у горы Синай, наделило людей всеобъемлющим знанием Торы, сокрытой в глубинах их душ. Но столь высокий уровень близости к Создателю был недостижим для последующих поколений. Предвидя это, Моше позаботился о даровании Торы избранному народу, вследствие чего люди обрели возможность служить Вседержителю в состоянии, далеком от мистического озарения, опираясь на поучения, которые с тех давних пор передаются от отца к сыну. Такое положение вещей обязывает относиться со всем возможным уважением к традиционному пути изучения Торы, проповедуемому раввинской элитой. Он никоим образом не может быть заменен какими бы то ни было тайными практиками, ибо никто не может пребывать в состоянии экстаза перманентно.

Общеизвестным является факт, что на раннем этапе своей истории хасиды старались по-новому переосмыслить все богоугодные деяния, предписанные сакральным законом. Возникает вопрос: как это отразилось на заповеди изучения Торы, если, как видно из сказанного выше, полное вытеснение традиционной методики учения медитативной практикой для них было неприемлемо?

О значении правильных интенций для изучения Торы

Р. Калонимос Кальман Эпштейн, ученик выдающегося цадика р. Элимелиха из Лежайска, говорил: «Когда человек желает учить Тору во имя ее самой, должно ему, перед тем как начать учение, покаяться во всех прегрешениях своих, ибо «нет праведного человека на земле», а грешному сказал Господь: «Что тебе книга закона Моего». Поэтому человеку надлежит перед началом учебы проверить деяния свои и покаяться. Найти самому недостатки в деяниях своих и возжелать отныне стать истинным рабом Господа в учении и в делах. Также и после учебы, после того как прервался, изучив то, что было намечено, надлежит проверить, имело ли место преступное отвлечение или, Боже упаси, недостойное намерение (учить Тору) не во имя ее самой. Должно размышлять в раскаянии, не произошло ли во время учебы чего-либо недостойного, упаси Боже. И да

пребудут все дни человека в раскаянии... Покаяние искупит все прегрешения, и тогда сможешь ты учиться в святости и чистоте»²⁴. Следует отметить, что наставления р. Каланимоса Кальмана в равной мере применимы для описанного ранее мистико-медитативного и традиционного стиля изучения Торы. Вне зависимости от того, каким образом будет происходить учение, успех его целиком и полностью зависит от умонастроения верующего в преддверии и по завершению богоугодного деяния. Именно признание своих проступков и твердая решимость впредь их не повторять наделяют исполненную заповедь благодатной душеспасительной силой.

Правильные интенции, обеспечивающие успех делу учения сакральных текстов, не ограничиваются, по мнению основоположников хасидизма, одним лишь сосредоточением на осознании собственной греховности и несовершенства. Нисколько не менее важная роль отводится при этом также и юмору. «От имени Бешта предают изречение касательно шутки, предшествующей учению. «Жизнь человеческая – непрестанное вознесение и нисхождение в тайне умаления (ктанут) и возвышения (гадлут). Благодаря шутке и веселью происходит переход из ктанута в гадлут, чтобы учиться и прилепиться к Нему, да будет Он благословен. В этом заключается смысл рассказа мудрецов о двух шутниках, которые своими шутками избавляли людей от бед. В этом заключается смысл стиха «И взял (Авраам) двух (шней) юношей (наарав) с собой и сына его Ицхака» (Быт. 22:3). Ибо посредством смеха (цхок) во имя небес мог он вознести годы (шаним) молодости (наарут) с собой»²⁵. Концепция ктанута и гадлута является одним из центральных положений вероучения р. Исраэля Баал Шем Това. Гадлутом он называет то состояние просветления, при котором подвижник созерцает божество, пронизывающее все мироздание, и ощущает себя его частью. В состоянии же ктанута человек, сколь бы пламенно и искренне он ни верил в Создателя, воспринимает себя как обособленную индивидуальность, непосредственно наблюдающую лишь явления окружающего ее мира. В силу вполне понятных причин основоположник хасидизма придавал обретению ступени гадлута

исключительно важное значение. Тем более интересно отметить, что в приведенном нами отрывке она обретается при помощи смеха и именно смех помог выросшему в языческой семье Аврааму искупить грехи своей молодости. Поэтому анекдот или шутка, предшествующие изучению Торы, способны обеспечить исполнение этой заповеди на самом высоком духовном уровне. Тот или иной способ совершения богоугодного деяния оказывается не столь важным, поскольку успех предприятия зависит в первую очередь от состояния экстаза, достигаемого радостью душевной. Такого рода суждения являются частным случаем распространенной в средневековых мистических произведениях концепции силы. Ее сторонники утверждали, что сотворение человека по образу и подобию Божьему наделяет его сверхъестественными возможностями воздействовать на мир горний. Не какие либо специальные мистические техники, но сам изоморфизм божества и человека является источником силы его деяний. Вследствие этого при обсуждении порядка богослужения основное внимание уделяется движениям человеческой души, направляемым определенными настроениями и интенциями²⁶. Характерным примером такого рода суждений является следующее высказывание, приведенное в самой авторитетной книге еврейской мистики Зогар: «Сказал р. Шимон Бар Йохай, желая открыть дело тайное: «Всякий, кто знает, как совершать служение в надлежащем порядке и как произносить слова в надлежащем порядке, пробудит Господа ниспослать дары высшие». Затем он задал трудный вопрос: «Если дело обстоит так, то ведь все знают порядок служения и порядок слов. Почему именно тех считают праведниками (цадиками)?» Ответ его был таков: «Ибо знают основу слова и основу служения и умеют направить свое сердце и волю более иных прочих, которые не столь искусны в этом. Те, кто не знает основы служения, но только его порядок, и не более того, притягивают к себе лишь то, что пребывает позади плеч Господа... Те, кто умеет направить свое сердце и волю, добиваются того, что выходит благословение от того места, где мысль. Идет оно по всем ветвям и корням путем правым, как надлежит, благословляются им высшие и

низшие, и имя святое благословляемое возносится посредством их (праведников)»²⁷. Таким образом, исполнение заповеди по всей строгости, при отсутствии правильных интенций, приводит к неисполнению Божьей милости низкого уровня. Для обозначения ее применяется характерное для раввинской письменности выражение, обозначающее нечто второсортное – брошенное через плечо. Только те, кто «умеет направить свое сердце и волю», т.е. свои мысли и чувства, пробуждают высшее милосердие, одаривающее творение наилучшими благами²⁸. Истинные праведники не только заботятся о благе творения, но и поддерживают порядок и гармонию в Божественной плероме, которую каббалисты зачастую называли колесницей. «Высшая тайна, как известно тебе, состоит в том, что полнота высшей колесницы зависит от полноты человека (мира) дольнего. Это один из величайших замыслов, заключенных в сотворении человека, и польза то вхождения его в тело. Ибо человек состоит из сущностей (гавайот)²⁹, и потому сила его велика и полнота его соответствует интенциям его... Если приумножает человек (мира) дольнего силу, и притяжение благ (гамшаха), и приумножение потока даров высших (шефа), и благословение на человека (мира) горнего³⁰, вследствие этого низойдет благословение на все качества (мидот)³¹... Но, если человек повредит органы свои внизу, образ его вверху будет как бы вырезан... Поэтому говорили мудрецы наши: «Всякий занимающийся Торой дарует мир сообществу небесному и сообществу земному»³².

Подобно процитированному нами автору, хасидский рабби Мешулам Фейбуш Геллер призывал своих последователей быть опорой для небесной колесницы. «Кто учит (Тору) ради разума своего и получает от этого удовольствие, тот мал и как бы не существует. Он никогда не придет к Господу, да будет Он благословен, подобно тем, кто страстно желает мудрости чуждой. Великое дело совершает лишь тот, кто страстно желает быть колесницей Господа, да будет Он благословен, посредством Торы. Сказано: «Велико учение о колеснице (маесе миркава)». Этим они хотели сказать: «Сделать (лаасот) себя колесницей Господа, да будет Он благословен, посредством Торы»³³.

Р. Мешулам отмечает, что к желанному результату верующего приводит как изучение тайных мистических текстов, так и общеизвестных раввинских произведений. «Тора экзотерическая и Тора изотерическая – сущности одного порядка. Все происходит в соответствии с интенциями человека, который занимается ими. Если интенция человека основывается на разумении собственного интереса, то он ничего не удостоится... Если интенция его суть страстное желание прилепиться к Господу Благословенному, быть колесницей Его и понимает он, что единственный путь к этой цели Тора и заповеди, то и посредством Торы экзотерической, и посредством Торы изотерической обретет он прилепление»³⁴. Из сказанного следует, что обладание сокровенными знаниями каббалы не является необходимым условием обретения единения с Творцом. Поэтому и мистические техники, описанные в изотерических текстах, не играют в данном деле определяющей роли. Надлежащее умонастроение и страстное душевное желание позволяют человеку достичь наивысшей ступени, стать колесницей Создателя. Правильные интенции обеспечивают состояние *двекута* как для тех, кто предпочитает тайные учения, так и для тех, кто занимается главным образом классическими произведениями талмудического корпуса.

Заключение

Рассмотренные нами высказывания Бешта и его последователей свидетельствуют о том, что решающую роль в исполнении заповеди изучать Тору, по мнению лидеров хасидов, играли правильные интенции, предшествующие этому богоугодному деянию и сопровождающие его. Надлежащее умонастроение и направленные порывы души возносит верующего на наивысшую доступную ему ступень пребывания в мире горнем, даже во время изучения сакральных текстов традиционным общепринятым способом. Хасиды, по крайней мере в ранний период своей истории, бесспорно придавали большое значение медитациям, основанным на специальных правилах произнесения букв Торы. Но нет никаких оснований утверждать, что этот путь рассматривался в качестве альтернативы учения об интенциях. Скорее он был призван усилить

достигаемый ими эффект и ускорить достижение ожидаемого результата. Кроме того, следует отметить, что зачастую призывы прибегнуть к технике произнесения букв касались не Библии, а текстов устной Торы, в числе которых хасидские авторы называли в первую очередь проповеди цадиков. Сила цадиков, согласно воззрениям р. Исраэля Баал Шем Това и его последователей, объясняется непрестанной обращенностью всех их помыслов и чувств к Создателю. Эта сила концентрируется в изречениях совершенных праведников и передается всем тем, кто слушает их наставления³⁵. Таким образом, свет, который, как отмечалось выше, созерцают верующие, произнося в экстазе отдельные буквы текстов Торы, поселяется в буквах благодаря совершенству интенций цадиков текущего поколения. Сила этих интенций придает силу медитативной технике. Не

медитативная техника, а антропологический фактор играет решающую роль.

В современных исследованиях хасидизма медитативным техникам уделяется первостепенное внимание. Это во многом связано с отсутствием интереса к данному вопросу у классиков конца XIX – первой половины XX века. Нетрудно заметить, что наши выводы некоторым образом близки к тем, к которым пришел в свое время Ш. Дубнов. Но Дубнов и его ближайшие последователи не пытались объяснить инновации хасидов в деле изучения Торы концепцией силы, основанной на представлениях об изоморфизме человека и божества, широко распространенной в произведениях средневековых каббалистов. Привлечение этого материала позволяет по-новому взглянуть не только на доктрину учебы Бешта и его сподвижников, но и вообще на все основные положения вероучения хасидов.

¹ Дубнов Ш. Возникновение хасидизма: жизнь и деятельность Израэля Бешта // Евреи в Российской империи XVIII–XIX веков. Москва, 1995, с. 132.

² Там же, с. 133. См. также: *Dubnov S. Toldot ha-hasidut* [Tel Avn, 1930-1]. Tel Aviv, 1960, с. 55–56.

³ См. например: История евреев России. Москва, 2005, с. 94.

⁴ *Weiss J. The Torah Study in Early Hasidism* // *Studies in Eastern European Jewish Mysticism*. Oxford, 1997, с. 56–69. *Etkes I. Hasidut breshita*. Tel-Aviv, 1991, с. 89–100. *Idel M. Hasidism, Between Ecstasy and Magic*. New York, 1995, с. 171–189.

⁵ *Weiss J. The Torah Study in Early Hasidism*, с. 61–67.

⁶ *Yaaqov Yosef mi-Polonoye. Toldot Yaaqov Yosef*. Korets, 1780, с. 25a.

⁷ *Weiss J. The Torah Study in Early Hasidism*, с. 60.

⁸ *Dov Ber mi-Mezhircz. Or ha-Emet*. Bney-Brak, 1967, с. 15b–16a.

⁹ *Idel M. Hasidism, Between Ecstasy and Magic*, с. 176–182.

¹⁰ R. Shneur Zalman mi-Liadi *Likutey Tora*. Brookline, 1979, с. 29d.

¹¹ Выражение «учить Тору во имя ее самой» в текстах талмудического корпуса означало учиться ради исполнения повеления Создателя, а не ради карьеры и почета, которым пользовались в обществе знатоки Закона Божьего. В хасидских текстах, наряду с этим, данное выражение приобрело также и новое толкование: учить Тору во имя обретения мистического единения с Создателем. См. об этом: *Etkes I. Hasidut breshita*, С. 93.

¹² *Moshe Haym Efraim mi-Sudylkov. Degel mahane Efrayim*. Jerusalem, 1963, с. 103.

¹³ Первое слово Торы «берешит» (вначале) комментатор разлагает на слово «решит» (начало) и букву «бет», обозначающую предлог «в», а также цифру 2.

¹⁴ *Levi Itshaq mi-Berdichev. Qdushat Levi. Parashat Bereshit*.

¹⁵ B.T. Muad Katan 16b.

¹⁶ *Levi Itshaq mi-Berdichev. Qdushat Levi. Parashat Itra*.

¹⁷ Хасидизм не был сектой, жестко изолированной от остального еврейского общества. Поэтому большинство последователей Бешта и его учеников в течение долгого времени продолжали следовать тем традициям изучения Торы, которые бытовали в их общинах.

¹⁸ *Weiss J. The Torah Study in Early Hasidism*, с. 61–65.

¹⁹ Там же, с. 66.

²⁰ *Moshe Haym Efraim mi-Sudylkov. Degel mahane Efrayim. Parashat. Leh-Leha*.

²¹ Так в своих поучениях р. Эфраим называет р. Исраэля Баал Шем Това.

²² *Keter Shem Tov*. New York, 1987, с. 6.

²³ Levi Itshaq mi-Berdichev. *Masehet avot*.

²⁴ Kalonimus Kalman Epstein mi-Krakov. *Maor va-shemesh. Parashat truma*.

²⁵ *Кетер Шем Тов*, с. 11.

²⁶ *Garb J. Ha-Koah be-kavana be-kabbala. Hibur le shem kabalat toar dokktor le-filosofiya*. Jerusalem, 2000, с. 155–162.

²⁷ *Zohar*. Ч. 3, с. 183b–184a.

²⁸ См. комментарий Гарба к этому отрывку: *Garb J. Ha-Koah be-kavana be-kabbala*, с. 159–160.

²⁹ Термин *гавайа* (мн. гавайот) – буквально: бытие, существование. В произведениях каббалистов нередко использовался для обозначения сфирот (имен-атрибутов, конституирующих проявленное божество). Многие мистики придерживались мнения, что душа человека состоит из элементов, аналогичных сфирот божества и непосредственно связанных с ними.

³⁰ Согласно учению каббалы, первой эманаций сокрытого божества (Эйн-Соф) является небесный человек – Адам Кадмон. Непосредственно из него разворачиваются сущности, конституирующие проявленное божество, мир сфирот.

³¹ Мида (мн. мидот) – буквально: качество. Этот термин также использовался для обозначения сфирот и составляющих человеческой души.

³² *Menahem Rekonati*. *Perush al ha-Tora*, с. 51b.

³³ *Meshulam Feybush Geler*. *Yosher divrey emet*. Jerusalem, 1974, с. 113b.

³⁴ Там же.

³⁵ *Sack B. Iyun be-hashpaat r. Moshe Kordovero al ha-hasidut // Eshel Beer Sheva*. 1986, №3, с. 239.